

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2017.4.18

Культурные константы и экология культуры

Т. Ф. КУЗНЕЦОВА

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья посвящена анализу особой роли культурных констант в экологии культуры. Эта роль видится автору в том, что культурные константы составляют то ядро культуры — и мировой, и региональной, и национальной, — которое подлежит сохранению как культурное наследие.

Выдвигая данное положение, автор исходит из тезаурусного подхода к мировой культуре, а именно из представления о том, что экология культуры представляет собой не понятие, а концепт. Его логическая сторона непосредственно сопровождается сторонами образными и эмоциональными, что позволяет экологии культуры выступать в ключе ценностного отношения субъекта к его миру и ставить ее в связь «своего» и «чужого». Такое понимание характерно для субъектной организации гуманитарного знания.

Тезаурусный подход, как показано в статье, выступает применительно к экологии культуры в методологической роли и одновременно на эмпирическом уровне закрепляет многообразие повседневности, выделяя и фрагменты вечного, и фрагменты преходящего в повседневности жизненного потока.

Ключевые слова: экология культуры; культурная константа; тезаурусный подход; субъектная культурология

ВВЕДЕНИЕ

В тезаурусном подходе, который, если исходить из публикаций, в 2017 г. отметил свое 25-летие (Луков В., Луков Вл., 1992) и стал широко признанным в отечественной культурологии и филологии (Захаров, 2008; Костина, 2009; Ламажаа, 2012; Кузнецова, Логинова, 2013), выделяется концептуальное положение, согласно которому ядром тезауруса представляется соответствующая культурная картина мира (Кузнецова, 2012; Погорский, 2012). Необходимо прояснить, что же составляет эту культурную картину мира, из каких базовых элементов она состоит. Это, как можно предположить, определит и то, в каких связях оказывается тезаурусный подход с экологией культуры.

Целью этой статьи мы считаем выяснение фундамента экологии культуры, каковым выступают лежащие в основе культурных картин мира культурные константы. Этим одновременно выявляется связь экологии культуры в своих теоретических и практических аспектах с тезаурусным подходом, выступающим применительно к экологии культуры в методологической роли.

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ В ТЕЗАУРУСНОЙ ТЕОРИИ

Некоторые из концептов (своего рода строительных камней тезаурусов, подобных понятиям в системе наук) направлены на то, чтобы перемены в тезаурусах шли не слишком быстро, они противостоят изменениям, обладая высокой устойчивостью. Устойчивость такого рода этим некоторым концептам дает их встроенность в культурные коды, иными словами, в культуру. В тезаурусной теории они имеют наименование «культурных констант» именно потому, что они сдерживают быстротекущую жизнь порождаемые формы (Луков, 2008b). В. А. Луков и Вл. А. Луков пишут в «Тезаурусах II»: «Из относительно большого числа концептов, освоенных субъектом, некоторая их часть выполняют в тезаурусе особую роль, состоящую в замедлении перемен в тезаурусном строе. Консервация в этом случае оказывается выражением противостояния культурных форм жизненному потоку. Такие концепты мы называем константами» (Луков В. А., Луков Вл. А., 2013: 78). Ссылаясь на акад. Ю. С. Степанова, они определяют константу в культуре как концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. В «Тезаурусах II» подчеркивается: «...константной становится классика в художественном творчестве, архитектуре, науке и т. д. — везде, где можно сказать о классическом исполнении, классических формах, классическом наследии. Разумеется, этот принцип классичности выходит за пределы художественной культуры и характеризует формы социальных связей (классическая дружба), статусов-ролей (классический бюрократ), идеологии (классический либерализм) и т. п. Собственно, сфера применения, да и само слово «классика» не важны, имеет значение то, что некое явление или некий процесс могут быть оценены в исторической цепи событий таким образом, чтобы из этой вереницы событий была получена существенная ориентирующая информация... константа, выросшая в недрах культуры, оказывается простым и богатым смыслами средством ориентации — своего рода эталоном для оценки, а также для выстраивания культурной картины мира. Поэтому не будет ошибкой сказать, что система констант тезауруса и есть язык культурных картин мира, которые, в свою очередь, составляют центр, сердцевину тезауруса» (там же: 78).

Мы также считаем, придерживаясь тезаурусного подхода в культурологии, т. е. признавая возможным, а в некоторых случаях необходимым различие объектной и субъектной культурологии (Луков, 2008a; второе и есть применение тезаурусного подхода к культурологии), что культурные константы — это долговременные центры притяжения в рамках определенной социокультурной реальности. Они этим и определяют границы этой реальности, которые и отделяют ее от других социокультурных реальностей, используя механизмы идентификации. Культурные константы, таким образом, представляют тот упорядоченный (т. е. построенный по правилам, принятым в данной культуре) склад культурных содержаний и форм, который в необходимых ситуациях активизируется в тезаурусах и реализуется как основание для разделения «своих» и «чужих», особенно при неясности, что отнести к первому, а что ко второму. Эта неясность возникает всякий раз, когда носитель определенного тезауруса сталкивается с целостным выражением непривычных культурных содержаний и форм. Эти содержания и формы вовсе не ведут к инновациям. Как показывают исследования Ч. К. Ламажаа, неясная в силу новизны ситуация может означать обращение к архаическим формам «своей» культуры, архаизация сопутствует инновации (Ламажаа, 2011, 2013). Мы бы даже предположили, что архаизация несколько опережает инновацию в сфере культуры, делая более устойчивой культурную картину ми-

ра. Собственно, этим определяется культурная идентификация, которая опирается на ценностный характер культурных констант: еще в Баденской школе неокантианства конца XIX — начала XX в. разделение наук о природе и наук о культуре (духе) строилось именно на том, что вторые основываются на ценностях.

Культурные константы приобретают в обществе разную форму. К ним относятся *вечные образы*. Под ними имеются в виду художественные образы — инвариантный арсенал художественного дискурса, — которые обладают не только большой устойчивостью, но и высоким уровнем узнаваемости, в том числе и в ситуациях повседневности, не требующих профессиональных знаний. Хотя это термин литературоведения, искусствознания, истории культуры, охватывающий переходящие из произведения в произведение персонажи, а частью и повторяющиеся сюжеты, их специфика проявляется в наибольшей степени, когда они выступают и в качестве культурных констант, что специально и не раз проанализировано с помощью тезаурусного подхода. Другой разновидностью культурных констант, которая также активно проанализирована, выступают *крылатые слова*, к которым в тезаурусном подходе относят слова и устойчивые сочетания слов, а) выражающие обобщенное содержание, применяемое как образец, правило, идея, оценка и т. п. при характеристике широкого класса явлений, процессов, отношений, свойств и т. п.; б) признающиеся в рамках тех или иных культур общеизвестными, общепонятными, общезначимыми; в) являющиеся свидетельством определенного уровня культурного развития как тех, кто использует в своей речи (устной или письменной) такие слова и словосочетания, так и тех, кто способен дешифровать эти культурные коды (Луков Вл., Луков В., 2009).

Недавно показано, что в рамках тезаурусного подхода к культурным константам относятся и различные фразеологизмы, причем в таких разных языках, как китайский, японский, английский, русский (Завьялова, 2012, 2016, 2017). В условиях глобализации, усиливающей диалог культур, или в ситуациях, когда происходит — обычно вслед за политическими и экономическими процессами — отдаление культур друг от друга и как бы их закупоривание в самих себе, суть и идентификационные механизмы культурных констант не меняются, хотя могут меняться состав и значимость тех феноменов культуры, которые принято относить к числу культурных констант.

Появление информационной культурологии показывает такого рода изменения, а также и то, что в новых общественных условиях политические и экономические процессы в меньшей степени влияют на культурное развитие отдельных народов и стран, чем процессы информационные (Колин, Урсул, 2015). Это движение к информационному обществу еще предстоит осмыслить в тезаурусной парадигме, хотя важные шаги в этом направлении уже сделаны (Луков, Погорский, 2014). Но пока и на уровне законодательства информационные процессы не рассматриваются как имеющие отношения к культуре. Так, согласно определению, закрепленному в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», информатизация представляет собой «организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов».

Экология культуры в этом процессе осмысления окажется, возможно, центральным пунктом, поскольку информатизация, если ее проводить без учета культурного фактора, способна из стимула прогресса стать его тормозом, она, в частности, своим

недостатком, а точнее сказать, опасностью для человека и его мира (в тезаурусном смысле — сконструированного), имеет то обстоятельство, что увеличивает общественное воздействие массовой культуры, которая в своем конструктивном потенциале не обязательно связана с культурой традиционной, а в деструктивном нередко противостоит ей, в чем на ее стороне часто оказываются столь же деструктивные СМИ (Костина, Флиер, 2011; Костина, Кожаринова, 2015). Нередко информатизация, особенно на Западе, вообще рассматривается как техническое средство поднятия эффективности в тех или иных отраслях экономики (Flor, 1993; Pfeiffer, 2004; Baukrowitz et al., 2006).

Тезаурусный подход показывает путь, каким такой учет может происходить, и этот путь наиболее логично соединяется с удержанием в историческом сознании культурных констант. Что в новых поколениях здесь есть немалые проблемы, показывает эмпирическое исследование, проведенное в 2015 г. в ряде вузов России (Историческое сознание ... , 2015). Но это и проблемы всех поколений в обществе, которое стремительно меняется.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

В самой постановке вопроса именно таким образом содержится парадокс: культурные константы призваны *удержать общество от изменений*, но общество по многим другим причинам стремится к изменениям, становится *изменяющимся обществом*. Этот парадокс замечен довольно давно: например, известный сборник статей о Шекспире, одним из наиболее продуктивных источников культурных констант для разных культур, вышел в Англии и США к 400-летию со дня рождения великого драматурга под редакцией Арнольда Кеттла под названием «Шекспир в меняющемся мире» (Shakespeare in ... , 1964). К русскому переводу сборника предпослано пояснение, в котором, в частности, сказано: «Статьи, включенные в сборник, объединяет социально-исторический подход к поэтике Шекспира, острый интерес к гуманистическому и демократическому началу в творчестве драматурга, полемика с идеалистическим шекспироведением и модернизацией Шекспира в духе современного декаданса» (Шекспир ... , 1966: 2). Таким образом, характеристика дается методологическому основанию сборника, а не факту общественных перемен, что видно и по составу статей, многие из которых не связаны с представлением об отмеченном парадоксе.

Напротив, тезаурусный подход придает подобным временным рассогласованиям большое значение. В. А. и Вл. А. Луковы пишут: «Для характеристики современного периода (переходного в социокультурном аспекте) развития гуманитарного знания может быть выдвинута следующая гипотеза: в преддверии появления принципиально нового содержания гуманитарное знание находится в стадии трансформации уже прежде выделенных и освоенных гуманитарных констант; его структуру все меньше определяют границы гуманитарных наук, на первый план выходит совокупность гуманитарных констант, междисциплинарных и синтетических областей и проблем в социокультурной динамике их функционирования. При этом в интеллектуальном пространстве все время находятся какие-то фрагменты старых и даже древних знаниевых систем (тезаурусных конструкций), которые долго, иногда многие века могут находиться в запасниках коллективной памяти и никак не проявлять себя, но в переходные периоды вдруг становятся актуальными для человеческих общностей, обретают своих адептов — теоретиков и практиков, перемещаются в зону социальной нормы» (Луков В., Луков Вл., 2013: 68–69).

Значительно позже того, как была сформулирована эта гипотеза, появились ее подтверждения применительно к культурным константам шекспировсферы. Особый интерес представляет сочетание культурных ценностей, каковыми насыщена шекспировсфера, с новейшими технологиями ее освоения, какие раскрыты в МООКах в период ажиотажного спроса на все шекспировское в 2014–2016 гг., юбилейные для великого деятеля мировой культуры (2014 г. — 450 лет со дня рождения, 2016 г. — 400 лет со дня смерти Шекспира). МООКи, возникшие в сфере передачи новым поколениям естественнонаучных знаний, оказались в данном случае успешно применимыми к гуманитарной сфере (Макаров, 2015, 2016: Электронное издание), но это не могло бы случиться, если бы, например, МООКи были посвящены более чем 80 историческим личностям, которые предположительно назывались настоящими авторами того, что якобы приписывалось Шекспиру (Gross, 2010: 39), даже если бы назывались такие крупные фигуры «шекспировского вопроса», как Кристофер Марло, Френсис Бэкон, а тем более Эдуард де Вер (17-й граф Оксфорд), Уильям Стэнли (6-й граф Дерби), Роджер Меннерс (5-й граф Ратленд) и др. Шекспировские МООКи состоялись именно потому, что в их центре стоял не Шекспир или лицо (группа лиц), претендующее на его славу, а «культ Шекспира» — источник культурных констант, расширивших свое значение за пределы одного народа, одной страны, одного языка.

В этом случае мы имеем дело с расширением тезауруса (Луков В., Луков С., 2012; Завьялова, 2014), но также и с тем, что культурные константы сохраняют свое сдерживающее поток жизни назначение и в обществе, существенно изменившемся не только по характеру нарядов и структуре еды, но и в главных своих чертах.

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГУМАНИЗМА: НОВОЕ ПОНИМАНИЕ

С учетом роли культурных констант в обществе и их связи с экологией культуры трактовку последней как высшего выражения гуманизма целесообразно понять по-новому.

Экология, как правило, связывается с экономикой природопользования и является естественной наукой (Гирусов и др., 2003). Иначе дело обстоит с экологией культуры, которую неверно сводить к «экологической культуре». Если второе связано с философией и этикой поведения человека в природной среде, то первое характеризует отношение человека к культуре.

Экология культуры в этом аспекте представляет собой эвфемизм для обозначения сохранения культурного наследия. Как показано В. А. Луковым, экология культуры не строгое научное понятие, а концепт, на который среди других концептов опирается субъектная организация гуманитарного знания (Луков, 2017: Электронный ресурс). Концепты в методологии тезаурусного подхода означают «выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа» (Луков В., Луков Вл., 2013: 75). Концептом, по существу, следует признать и второе выделенное в рассматриваемом контексте словосочетание, а именно «сохранение культурного наследия». Не может быть однозначно описан такой его элемент, как «сохранение», — не ясно, что из наследия мы сохраняем, сохраняется ли культурный объект при смене его функции, владельца, способа финансирования, установления защитных покрытий и т. д. Существование аукционов художественных произведений, их перемещение из страны в страну в порядке выставочного и музейного обмена, использование их как залога и прочие действия, не влекущие за собой разрушение объектов культуры, но

меняющие их ценность и привычное окружение, можно считать сохранением с большими оговорками. Столь же не ясным оказывается и словосочетание «культурное наследие».

Однако некоторые стороны экологии культуры могут быть определены, и для этого тезаурусный подход дает большие возможности. Прежде всего, какие культурные объекты избираются для сохранения и в чем это сохранение состоит, определяется культурной картиной мира (Кузнецова, 2012). Не случайно культурная картина мира в современной культурологии занимает столь важное место (Кузнецова, Луков, 2009). Картины мира, а они имеют многообразные выражения, которые тем не менее объединяются их назначением как ядра тезауруса (Погорский, 2012), различаются в зависимости от многих обстоятельств (историческое время, этно-национальные особенности, преимущественная религия и т. д.), поэтому культурологию мы представляем в непосредственной связи с историей мировой культуры (Очерки по истории ... , 1997; Кнаббе и др., 2003). Но у них есть, как у научной, религиозной и других картин мира, общая черта, а именно прямая связь с субъектом и его тезаурусом: культурная картина мира составляет ядро этого тезауруса.

Субъектность, в духе тезаурусного подхода к социальной субъектности, в контексте экологии культуры мы трактуем как порождаемое активностью субъекта (индивида или группы от малой до как угодно большой) свойство культурного объекта.

В английском языке субъектность переводят как *subjectivity*, в немецком как *Subjektivität* и т. д. (т. е. субъективность и субъектность не различаются), в некоторых языках, например во французском, нет аналогичного слова. Но, заметим, и в русских изданиях (научных в том числе) довольно часто делаются ошибки, когда вместо субъектности ставится субъективность. В чем здесь разница?

В. А. и Вл. А. Луковы пишут: «Субъективность и субъектность в контексте рассматриваемой характеристики тезауруса следует различать. Если субъективность есть антоним объективности и понятна преимущественно через контраст первой в отношении второй, то субъектность не лежит в этом же ряду характеристик и вряд ли может продуктивно противопоставляться некой объектности. Субъектность — вполне объективная характеристика, применяемая к человеку, человеческим общностям и организациям, когда нужно аналитически выявить присущую этим участникам социальной жизни (социокультурных процессов) черту, которую можно назвать *независимостью* от системы социальности более высокого порядка. Эта независимость выражается в двух взаимосвязанных свойствах: во-первых, *автономности*, во-вторых, *активности*» (Луков, Луков Вл., 2013: 35). Эта точная характеристика различий субъектности и субъективности хорошо проясняет специфику культурных феноменов и применима к трактовке экологии культуры. Культурным смыслом обладает и субъективность, особенно в переходные эпохи (Культура в эпоху цивилизационного слома, 2001), но в общем виде именно субъектность как объективное свойство культуры и ее атрибут проясняет обоснованность экологии культуры. Справедливо в этом смысле выделение субъектной культурологии (Луков, 2008а).

В плане субъектной культурологии важно замечание Ч. К. Ламажаа: «Универсализм оказывается бессильным, когда перед исследователем встают не просто иные термины, но и такие мировоззренческие смысловые узлы, которые невозможно “расчленивать”, “разложить” на отдельные составляющие, попытаться их “каталогизировать” по чужеродным методикам» (Ламажаа, 2017: 123). Методологически важным оказывается то, что носитель культуры увидит то, что не дано оценить внешнему

наблюдателю. Но это значит и то, что культура разных народов не выстроена по одним и тем же принципам и образцам. Субъектная культурология, сосредоточенная на том, какие ценности в мире культуры *освоены* человеком, позволяет к каждой культуре не применять единый стандарт и изначально считаться с многообразием и структурной несопоставимостью культур.

Субъектность поначалу связана с тем общекультурным фоном, на котором она проявляется. Разумеется, и при жизни может возникать факт признания в сфере культуры. Здесь работает именно субъектность — автономность и активность субъекта в выстраивании культурной картины мира. В частном случае, соединении случайных обстоятельств можно видеть рождение культурного объекта, где субъект в полной мере проявляет свои интеллектуальные, образные (в смысле ведущие к созданию образа), эмоциональные качества. Но это еще не феномен культуры, и он далек от идеи его сохранения. Чтобы стать таковым, он должен претерпеть существенные изменения, теряя свои случайные черты, нередко и авторство. Здесь и происходит превращение субъектности в культурную константу, т. е. в то, что и подлежит сохранению в культуре. В русской культуре допетровского времени, как показано И. В. Кондаковым, становление культурной константы фактически пропускает индивидуальный уровень ее становления (Кондаков, 1999).

В западноевропейской традиции движение к культурной константе в известном смысле включает в себя замену субъективности субъектностью и образование культа деятеля культуры (или культа самого культурного феномена, если авторства нет в исторической памяти, субъект не ассоциирован с личностями). Если для образования культурной константы импульс дает личность, то она или стирается, или известна именно как культ, при этом теряются ее многие отличительные черты, как и теряются черты критического отношения к ней современников. Интерес в этом ракурсе представляет А. С. Пушкин (Захаров, Луков В., Луков Вл., 2015). Важно и то, что такая условная во многом личность обрывает своим миром — более изученным специалистами, но и приобретающим черты, которые этими специалистами и воссозданы по стандартам своего времени (Bate et al.: Электронный ресурс). В наше время этот мир все более виртуализируется, или виртуализация дает результаты в сопоставлении носителей картин мира в разные эпохи (Лисович, 2015ab).

Став культурной константой, субъектность перестает быть однозначно национальной, хотя первоначально воспринимается именно таковой (Dobson, 1992). Превращение субъектности в культурную константу — процесс сложный и длительный. За ним стоят, по видимости, значимые исторические процессы. Иногда они хорошо известны, иногда полны домыслов и мифотворчества, иногда нет никаких исторических привязок у феноменов культуры, а точнее, напластования веков скрыли от нас эти привязки. Пословицы входят в культуру любого народа, но их происхождение, как правило, темно. Однако они составляют те культурные константы, на которых держится менталитет любого народа.

Итак, субъектность не есть набор частных характеристик, хотя ей может предшествовать соединение случайных обстоятельств рождения культурного объекта, где субъект в полной мере проявляет свои интеллектуальные, образные, эмоциональные качества. Движение от субъективности через субъектность означает придание действиям субъекта важного значения в культурной картине мира тем сообществом, которое в данный момент эту картину формирует. В общем виде это процесс, ведущий к полному отрыву культурного феномена от субъекта с его индивидуальными харак-

теристиками и превращению его (феномена) в культурную константу. Это движение и составляет смысл экологии культуры, а субъектность как снятая субъективность, с одной стороны, и как актуализированная в изменившихся условиях потребность культурной жизни — с другой, образует ее признак. Такой признак составляет необходимое, неотъемлемое свойство культуры. Это ее атрибут. Одновременно подчеркнем, что это и атрибут экологии культуры, именно субъектность важно поддерживать.

В свете экологии культуры надо рассматривать гуманизацию и гуманитаризацию образования. В отечественной литературе 2000-х годов, когда овладение новыми информационными технологиями представлялось панацеей от отставания средней школы и вуза от мирового уровня, хотя такая оценка (отставание) давалась произвольно или была ангажированной, признавалось погружение образования в Интернет, проектирование структуры информационной образовательной среды и т. д. (Уваров, 2001; Андреев, 2005; Анохин, 2006; Атанасян, Григорьев, Гриншкун, 2009). Этот взгляд на образование остается во многих документах и публикациях, хотя несколько проигнорированные показатели образовательной революции прошлых лет возвращаются в дискурс о гуманитаризации образования (Ильинский, 2002, 2016). Изменения в образовании показывают еще раз, как важна экология культуры для верной направленности этого процесса и с какими сложностями может встретиться общество, если забывается значение экологии культуры для становления образованного человека меняющегося мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментом экологии культуры, как показывает данная статья, является та часть культурных картин мира, которую составляют культурные константы. Этот ввод прямо вытекает из тезаурусного подхода. Повседневность буквально наполнена как подтверждением того, что культурные константы необходимы человеку в его противостоянии быстротекущему времени с новыми феноменами на всех направлениях жизнедеятельности, так и подтверждениями того, что экология культуры — рудимент предыдущих общественно-экономических формаций, так что в постиндустриальном обществе, обществе, где информация становится центром человеческих отношений, а ее распространение и усвоение — главной задачей любого участника этих отношений, для экологии культуры остается узкая зона профессионалов — литературоведов, искусствоведов, историков культуры и т. д. Тезаурусный подход позволяет придать значение и первым, и вторым представлениям, исходя их простой модели дифференциации субъектно организованного знания по оси «свое — чужое — чуждое», но не остановиться на этом, а увидеть, как в изменяющемся обществе культурные константы продолжают работать и этим поддерживать экологию культуры.

Тезаурусный подход, таким образом, выступает применительно к экологии культуры в методологической роли и одновременно на эмпирическом уровне закрепляет многообразие повседневности, выделяя как фрагменты вечного, так и фрагменты преходящего в повседневности жизненного потока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев, А. (2005) Интернет в системе непрерывного образования // Высшее образование в России. № 7. С. 91–93.
- Анохин, С. (2006) Интернет в методической деятельности учителя // Народное образование. № 5. С. 159–162.

Атанасян, С. Л., Григорьев, С. Г., Гриншкун, В. В. (2009) Проектирование структуры информационной образовательной среды педагогического вуза // Информатика и образование. № 3. С. 90–96.

Гирусов, Э. В., Бобылев, С. Н., Новоселов, А. Л., Чепурных, Н. В. (2003) Экология и экономика природопользования : учебник для вузов / под ред. Э. В. Гирусова, В. Н. Лопатина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Единство. 519 с.

Завьялова, Н. А. (2012) Японские, китайские, английские и русские фразеологические единицы с компонентом «вода» как составляющая дискурса повседневности // В мире научных открытий. № 2–3. С. 192–200.

Завьялова, Н. А. (2014) Механизмы тезаурусного расширения в русле теоретико-информационного подхода как отражение социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 194–204.

Завьялова, Н. А. (2016) Повторяющиеся культурные микротексты: диахронный и синхронный аспекты // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 124–137. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.11

Завьялова, Н. А. (2017) Культурно-коммуникативные формулы в рамках тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 152–162. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.12

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ / отв. ред. Вл. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 320 с.

Захаров, Н. В., Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2015) Драматургия А. С. Пушкина: проблема сценичности. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 412 с.

Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии. 592 с.

Ильинский, И. М. (2016) Собрание сочинений : в 5 т. М. : Терра. Т. 3. Высшее образование для XXI века / послесл. С. И. Плаксия. 688 с.

Историческое сознание российской молодежи (2015) / авт. кол.: С. В. Алексеев, В. А. Гневашева, О. А. Плотникова, Б. А. Ручкин, С. В. Луков ; под общ. ред. С. В. Алексеева. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 114 с.

Кнабе, Г. С., Кондаков, И. В., Кузнецова, Т. Ф., Луков Вл. А. (2003) Культурология: История мировой культуры : учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М. : Издат. центр «Академия». 605 с.

Колин, К. К., Урсул, А. Д. (2015) Культура и информация. Введение в информационную культурологию. М. : Стратегические приоритеты. 300 с.

Кондаков, И. В. (1999) Культура России : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Кн. дом «Университет». 357 с.

Костина, А. В. (2009) Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М. : Либроком. 288 с.

Костина, А. В., Кожаринова, А. Р. (2015) Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: Специфика проявления в информационном обществе. М. : Ленанд. 244 с.

Костина, А. В., Флиер, А. Я. (2011) Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М. : Согласие. 680 с.

Кузнецова, Т. Ф. (2012) Культурная картина мира: теоретические проблемы : науч. монография. М. : ГИТР. 250 с.

Кузнецова, Т. Ф., Логинова, Л. Ф. (2013) Тезаурусы: продолжение и развитие теории // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 326–329.

Кузнецова, Т. Ф., Луков, Вл. А. (2009) Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). № 1. С. 66–69.

Культура в эпоху цивилизационного слома (2001) : материалы Международной научной конференции. М. : Научный совет по истории мировой культуры РАН. 824 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М. 41 с.

Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 38–45.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен. М. : Кн. дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2017) Тезаурусный анализ и Indigenous Methodology // Тезаурусы и тезаурусная сфера: II Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 29 марта 2017 г. : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 256 с. С. 115–126.

Лисович, И. И. (2015a) Шекспирсфера и неоднородность культурного пространства // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 307–313. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26

Лисович, И. И. (2015b) Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М. : Издат. дом ВШЭ. 440 с.

Луков, В. А. (2017) Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 3. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/511> (дата обращения: 1.07.2017). DOI: 10.17805/ggz.2017.3.1

Луков, В. А., Погорский, Э. К. (2014) Информационное общество и молодежь. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 160 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (1992) Всемирная детская энциклопедия «Глобус»: Концепция. М. : Педагогика-Пресс. 44 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира : монография. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, В. А., Луков, С. В. (2012) Принцип тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 23 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 10–21.

Луков, Вл. А. (2008a) Культурология объектная и субъектная // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 72–79.

Луков, Вл. А. (2008b) Понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе // Гуманитарные константы: материалы конф. : сб. науч. тр. / отв. ред. Вл. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 101 с. С. 27–35.

Луков, Вл. А., Луков, В. А. (2009) Крылатые слова // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 235–238.

Макаров, В. С. (2015) МООКи о Шекспире: британский и российский опыт // Образовательные технологии. № 1. С. 19–27.

Макаров, В. С. (2016) С курсом «Hamlet's Ghost» в мир МООКов входит Стивен Гринблатт [Электронный ресурс] // Современники Шекспира: Электронное научное издание. 30 октября. URL: <http://around-shake.ru/news/5056.htm> (дата обращения: 25.04.2017).

Очерки по истории мировой культуры (1997) : учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М. : Языки русской культуры. 496 с.

Погорский, Э. К. (2012) Картина мира // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 322–323.

Уваров, А. Ю. (2001) Интернет в школе: смена парадигмы // Информатика и образование. № 3. С. 7–13.

Шекспир в меняющемся мире (1966) / А. Кеттл (ред.). М. : Прогресс. 389 с.

Bate, J. et al. Shakespeare and his World [Электронный ресурс] // FutureLearn. URL: <https://futurelearn.com/courses/shakespeare-and-his-world> (дата обращения: 10.04.2017).

Baukowitz, A., Berker, T., Boes, A., Pfeiffer, S., Schmiede, R., Will, M. (Hrsg.) (2006) Informatisierung der Arbeit — Gesellschaft im Umbruch. Berlin. 518 s.

Dobson, M. (1992) The making of the national poet: Shakespeare, adaptation and authorship, 1660–1769. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford University Press. viii, 266 p.

Flor, A. G. (1993) The informatization of agriculture // The Asian Journal of Communication. Vol. 3, № 2. Pp 94–103.

Gross, J. (2010) Denying Shakespeare // Commentary. Vol. 129, No 3. Pp. 38–44.

Pfeiffer, S. (2004) Arbeitsvermögen. Ein Schlüssel zur Analyse (reflexiver) Informatisierung. Wiesbaden : Verlag Sozialwissenschaften. 346 s.

Shakespeare in a changing world (1964) / ed. A. Kettle. New York : International Publishers. 269 p.

Дата поступления: 27.07.2017 г.

CULTURAL CONSTANTS AND THE ECOLOGY OF CULTURE

T. F. KUZNETSOVA

MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

The article is devoted to the analysis of the unique role that cultural constants play in the ecology of culture. In the author's view, the role of the cultural constants is such that they constitute the nucleus of culture, both universal, regional and national, which is subject to preservation as cultural heritage.

By making this assumption, the author relies upon the thesaurus approach to the world culture, particularly upon the assumption that the ecology of culture is basically not a notion, but a concept. Its logical aspect is accompanied directly by figurative and emotional aspects, which makes it possible for the ecology of culture to act as a value-based approach of a subject to their world and attribute it to the connection between «own» and «alien». This understanding is characteristic of the subjective organization of humanities knowledge.

The thesaurus approach, as shown in the article, performs in respect to the ecology of culture in the methodological role, and simultaneously it consolidates the diversity of everyday life on the empirical level, whereby it accentuates both the fragments of the eternal, and the fragments of the transient vital rhythm.

Keywords: ecology of culture; cultural constant; thesaurus approach; subjective culturology

REFERENCES

- Andreev, A. (2005) Internet v sisteme nepreryvnogo obrazovaniia. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 7, pp. 91–93. (In Russ.).
- Anokhin, S. (2006) Internet v metodicheskoi deiatel'nosti uchitelia. *Narodnoe obrazovanie*, no. 5, pp. 159–162. (In Russ.).
- Atanasian, S. L., Grigor'ev, S. G. and Grinshkun, V. V. (2009) Proektirovanie struktury informatsonnoi obrazovatel'noi sredy pedagogicheskogo vuza. *Informatika i obrazovanie*, no. 3, pp. 90–96. (In Russ.).
- Girusov, E. V., Bobylev, S. N., Novoselov, A. L. and Chepurnykh, N. V. (2003) *Ekologiya i ekonomika prirodopol'zovaniia*: uchebnik dlia vuzov / ed. by E. V. Girusova and V. N. Lopatina. 2nd ed. Moscow, IuNITI-DANA; Edinstvo. 519 p. (In Russ.).
- Zav'ialova, N. A. (2012) Iaponskie, kitaiskie, angliiskie i russkie frazeologicheskie edinit'sy s komponentom «voda» kak sostavliaiushchaia diskursa povsednevnosti. *V mire nauchnykh otkrytii*, no. 2–3, pp. 192–200. (In Russ.).
- Zav'ialova, N. A. (2014) Mekhanizmy tezaurusnogo rasshireniia v rusle teoretiko-informatsionnogo podkhoda kak otrazhenie sotsiokul'turnoi dinamiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 194–204. (In Russ.).
- Zav'ialova, N. A. (2016) Povtoriaiushchiesia kul'turnye mikroteksty: diakhronnyi i sinkhronnyi aspekty. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 124–137. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.11 (In Russ.).
- Zav'ialova, N. A. (2017) Kul'turno-kommunikativnye formuly v ramkakh tezaurusnogo podkhoda. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 152–162. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.12 (In Russ.).
- Zakharov, N. V. (2008) *Shekspirizm russkoi klassicheskoi literatury: tezaurusnyi analiz* / ed. by Vl. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 320 p. (In Russ.).
- Zakharov, N. V., Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2015) *Dramaturgiia A. S. Pushkina: problema stsenichnosti*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 412 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2002) *Obrazovatel'naia revoliutsiia*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit.-sotsial'n. akademii. 592 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2016) *Sobranie sochinenii*: in 5 vol. Moscow, Terra. Vol. 3. *Vysshee obrazovanie dlia XXI veka*. 688 p. (In Russ.).
- Istoricheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi* (2015) / S. V. Alekseev, V. A. Gnevasheva, O. A. Plotnikova, B. A. Ruchkin and S. V. Lukov; ed. by S. V. Alekseev. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 114 p. (In Russ.).

- Knabe, G. S., Kondakov, I. V., Kuznetsova, T. F. and Lukov V. A. (2003) *Kul'turologiia: Istoriia mirovoi kul'tury* : ucheb. posobie / ed. by T. F. Kuznetsova. Moscow, Izdat. tsentr «Akademiia». 605 p. (In Russ.).
- Kolin, K. K. and Ursul, A. D. (2015) *Kul'tura i informatsiia. Vvedenie v informatsionnuu kul'turologiiu*. Moscow, Strategicheskie priority. 300 p. (In Russ.).
- Kondakov, I. V. (1999) *Kul'tura Rossii* : ucheb. posobie dlia studentov vuzov. Moscow, Kn. dom «Universitet». 357 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2009) *Teoreticheskie problemy sovremennoi kul'turologii: Idei, kontseptsii, metody issledovaniia*. Moscow, Librokom. 288 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. and Kozharinova, A. R. (2015) *Konstruktivnyi sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: Spetsifika proiavlennii v informatsionnom obschestve*. Moscow, Lenand. 244 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. and Flier, A. Ia. (2011) *Kul'tura: mezhdu rabstvom kon'unktury, rabstvom obychnaia i rabstvom statusa*. Moscow, Soglasie. 680 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, T. F. (2012) *Kul'turnaia kartina mira: teoreticheskie problemy*. Moscow, GITR. 250 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, T. F. and Loginova, L. F. (2013) Tezaurusy: prodolzhenie i razvitie teorii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 326–329. (In Russ.).
- Kuznetsova, T. F. and Lukov, V. A. (2009) Kul'turnaia kartina mira v svete tendentsii razvitiia kul'turologii. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk (Russkaia sektsiia)*, no. 1, pp. 66–69. (In Russ.).
- Kul'tura v epokhu tsvivilizatsionnogo sloma* (2001) : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konfertsii. Moscow, Nauchnyi sovet po istorii mirovoi kul'tury RAN. 824 p.
- Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Arkhaizatsiia obschestva v period sotsial'nykh transformatsii (sotsial'no-filosofskii analiz tuvinskogo fenomena)* : Thesis of Diss. ... Doctor of Philocophy. Moscow. 41 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod dlia tuvinovedeniia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 38–45. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obschestva: Tuvinskii fenomen*. Moscow, Kn. dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2017) Tezaurusnyi analiz i Indigenous Methodology. In: *Tezaurusy i tezaurusnaia sfera: II Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova, 29 marta 2017 g.* : sb. nauch. trudov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 256 p. Pp. 115–126. (In Russ.).
- Lisovich, I. I. (2015a) Shekspirosfera i neodnorodnost' kul'turnogo prostranstva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 307–313. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26
- Lisovich, I. I. (2015b) *Skal'pel' razuma i kryl'ia voobrazheniia: Nauchnye diskursy v angliiskoi kul'ture rannego Novogo vremeni*. Moscow, Izdat. dom VShE. 440 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2017) Ekologiiia kul'tury i tezaurusnaia traktovka budushchego. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no. 3 [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/511> (access date: 1.07.2017). DOI: 10.17805/ggz.2017.3.1 (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Pogorskii, E. K. (2014) *Informatsionnoe obschestvo i molodezh'*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 160 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, V. A. (1992) *Vsemirnaia detskaia entsiklopediia «Globus»*: Kontsepsiia. Moscow, Pedagogika-Press. 44 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, V. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniiu cheloveka i ego mira*. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 640 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, S. V. (2012) Printsip tezaurusnogo rasshireniia individual'nogo mezhkul'turnogo prostranstva. In: *Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury* : sb. nauch. trudov. Vol. 23 / ed. by V. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. Pp. 10–21. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2008a) Kul'turologiia ob'ektnaia i sub'ektnaia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2008b) Poniatie «konstanta kul'tury» v filosofsko-kul'turologicheskom diskurse. *Gumanitarnye konstanty*: materialy konf. : sb. nauch. tr. / ed. by V. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 101 p. Pp. 27–35. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, V. A. (2009) Krylatye slova. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 235–238. (In Russ.).

Makarov, V. S. (2015) MOOKi o Shekspire: britanskii i rossiiskii opyt. *Obrazovatel'nye tekhnologii*, no. 1, pp. 19–27. (In Russ.).

Makarov, V. S. (2016) С курсом «Hamlet's Ghost» в мир MOOKov vkhodit Stiven Grinblatt. *Sovremenniki Shekspira: Elektronnoe nauchnoe izdanie*, 30 October [online] Available at: <http://around-shake.ru/news/5056.htm> (access date: 25.04.2017). (In Russ.).

Ocherki po istorii mirovoi kul'tury (1997) : ucheb. posobie / ed. by T. F. Kuznetsova. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. 496 p. (In Russ.).

Pogorskii, E. K. (2012) Kartina mira. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 322–323. (In Russ.).

Uvarov, A. Iu. (2001) Internet v shkole: smena paradig. *Informatika i obrazovanie*, no. 3, pp. 7–13. (In Russ.).

Shekspir v meniaiusbchemsia mire (1966) / A. Kettl (ed.). Moscow, Progress. 389 p. (In Russ.).

Bate, J. et al. Shakespeare and his World. *FutureLearn* [online] Available at: <https://futurelearn.com/courses/shakespeare-and-his-world> (data obrashcheniia: 10.04.2017).

Baukowitz, A., Berker, T., Boes, A., Pfeiffer, S., Schmiede, R. and Will, M. (Hrsg.) (2006) *Informatisierung der Arbeit — Gesellschaft im Umbruch*. Berlin. 518 s.

Dobson, M. (1992) *The making of the national poet: Shakespeare, adaptation and authorship, 1660–1769*. Oxford: Clarendon Press; N. Y. : Oxford University Press. viii, 266 p.

Flor, A. G. (1993) The informatization of agriculture. *The Asian Journal of Communication*, vol. 3, no. 2, pp 94–103.

Gross, J. (2010) Denying Shakespeare. *Commentary*, vol. 129, no. 3, pp. 38–44.

Pfeiffer, S. (2004) *Arbeitsvermögen. Ein Schlüssel zur Analyse (reflexiver) Informatisierung*. Wiesbaden : Verlag Sozialwissenschaften. 346 s.

Shakespeare in a changing world (1964) / ed. A. Kettle. New York, International Publishers. 269 p.

Submission date: 27.07.2017.

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88. Тел.: +7 (495) 539-55-19. Эл. адрес: kult@mpgu.edu

Kuznetsova Tatyana Fyodorovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Culturology, Moscow State Pedagogical University; Full member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 88, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation 119571. Tel.: +7 (495) 539-55-19. E-mail: kult@mpgu.edu